Апостол! Наши слова никого не спасут. Пушек ненасытные глотки, Как иерихонские трубы, ревут, И голуби мира падают на сковородки.

И Безумная Грета, подобрав нож поострей, По адовой кухне бредёт наугад в потёмках Выбирая себе кусок посочней. Расскажите ей про слезу ребёнка.

Кривой на один глаз, от рождения тугоухой Ей что слёзы, что кровь, что вода. Она полоумная неграмотная стряпуха И книги – топливо для очага.

Что добро, что зло – только ветви древа Что растёт в саду посреди равнины Где Господь создал человеку тело Как сосуд горшечник из красной глины. Чтоб создал себе человече душу Наделил его парой рук, гортанью И глазами, зрящими то наружу, То вовнутрь себя, в негасимый пламень.

Шелестит листвой Мировое древо, День сменяет ночь, за зимою – лето. Только сердце бьётся не в центре – слева, И не могут видеть глаза без света.

И так жаль, что быстро сгорело лето... Пока Бог с Адамом ведут дебаты, Ева, как в бреду, повторяет: «Где ты, Зверь, упавший с неба, мой змей крылатый...».

Придуманный герой забытой фильмы, Запечатлев на киноплёнке профиль, Исчезнет под бренчанье пианолы, Оставив недопитым чёрный кофе И не доигранным сюжет любовной сцены. Треск целлулоида, как ангельские трубы, Поставит точку в этой жизни бренной Конец сеанса... забирайте шубы... Пока киномеханик, стервенея, Запрятывает в круглую коробку Вечерний бриз, тенистые аллеи И гимназистки лёгкую походку... Постой владыка чёрно-белой жизни, Не торопись, замри над этим кадром: Она смеётся – как она смеётся! Но он зевает мелочным кадавром И стискивает крышкой всё, что было Однажды сыгранно. И всё ж, избегнув тленья, Немой герой восстанет из могилы

Под механическое жестяное пенье. И снова его профиль горделивый Украсит – как монету император – Киноэкран. И девочке смешливой Защемит сердце в недрах кинозала.

Если история не повторяется Значит, случайны все наши встречи. Город из башен, надежд и отчаянья Так же как всё в этом мире, не вечен. Ибо не стены, но сны и желания Держат его до поры недвижимым... Там, где гуляли мы, стёрлись названия Улиц, закрученных, будто пружины. Там, где трамваи на стыках изогнутых Чуть дребезжат, как монетками нищий, Там, где надгробия мхом коронованы Спят королями на старом кладбище, Там, где чайханщик гремит причиндалами В центре старинного, русского города, Всё было. А отвернулись усталые Город взлетел над собой чёрным вороном.

Что тоска – с этим тоже живут Как с зубной, надоевшею болью. Сеют жито да лапти плетут Не смущаясь мечтою о воле.

Это всё среднерусский мираж — Не прожить безупречным и чистым. А накатит минутная блажь — Так нальют все селом гармонисту.

Пусть он схватит гармонь за бока

И споёт, с хрипотцой и отдышкой, Как летят над землёй облака, Задевая охранников вышки.

Да про ворона – чёрную тварь, Что кружит и кружит спозаранку. И заплачет прожжённая рвань, Вспоминая кто папку, кто мамку.

А наутро похмельным и злым Выходить на тугую работу... Веселей! – бригадир крикнет им, – И замашет косой по осоту.

Я вырос в Азии где необъятна степь, Где пылью пропитано небо над шествующей отарой, Где умереть в дороге – это обычная смерть, А женщина в тридцать лет кажется уже старой.

И что скажу тебе, если в пустых городах Как на песке, на асфальте я вижу следы верблюда. И глаза мне застит мятущийся прах Летящий на запад – точней в никуда, с востока – точней ниоткуда.

Оттого мне нежность твоя — как молоко чрез нож: Оно даже белым кажется кроваво-красным И не внушает доверья. А мне ненавистна ложь — Я по опыту знаю, как миражи опасны.

И запах полыни приятнее мне, чем духи. Оттого люблю я так безнадёжно и странно Что любовь для меня — это путь по степи Звякающего колокольцами медленного каравана.